

В.М. Бехтерев

**Психология, рефлексология и
марксизм**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В11

В11 **В.М. Бехтерев**
Психология, рефлексология и марксизм / В.М. Бехтерев – М.: Книга по Тре-
бованию, 2014. – 80 с.

ISBN 978-5-458-54915-8

ISBN 978-5-458-54915-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Объективное изучение человеческой личности, названное мною рефлексологией, как учение совершенно новое, вполне естественно встречает оппозицию с разных сторон, а именно со стороны отдельных физиологов, в особенности же со стороны психологов старой школы и со стороны некоторых из тех авторов, которые, будучи психологами, примыкают к марксизму.

В возражениях, которые ей делаются, необходимо поэтому разобраться. Меньше всего я остановлюсь на возражениях физиологов, — тем более, что рефлексология во многих из своих положений находит опору в физиологических исследованиях. Тем не менее не следует смешивать рефлексологию с физиологией, как допускают некоторые, не разбираясь в том, что является задачей физиологии и что является задачей рефлексологии. Физиология до сих пор была и есть наука о функциях или отправлениях органов тела и в том числе мозга, тогда как рефлексология, в частности рефлексология человека, есть научная дисциплина, ставящая своей задачей изучение ответных реакций в связи с внешними и внутренними раздражителями и вообще всех соотношений с окружающим миром человеческой личности, как био-социального существа, напр. его действий и поступков, поведения вообще, устной и письменной речи, мимико-соматических состояний, наследственно-органических рефлексов или инстинктов и простых рефлексов). Таким образом в ее задачи входит выяснение роли внешних (со стороны окружающей среды) и внутренних (со стороны соматической сферы) стимулов-раздражителей, обуславливающих разнообразные проявления личности в окружающем мире. Г. Челпанов в своей последней книжке: „Объектив-

ная психология в России и Америке“ (1925 г. стр. 33) так определяет различие между рефлексологией и физиологией мозговой коры, которой занимается школа И. Павлова: „Если рефлексология Бехтерева имеет по преимуществу психо-физиологический характер, то учение об условных рефлексах Павлова больше приближается к чистой физиологии. Если Бехтерев хочет сделать психологию объективной, то Павлов хочет изучение высшей нервной деятельности сделать объективным“. Может быть в силу этого школа Павлова не приемлет для своих исследований и названия рефлексологии, сделавшегося однако ныне уже установившимся и в то же время крайне популярным.

С проф. И. Павловым мне пришлось однако разойтись по вопросу о первоначальном подходе к строго объективному исследованию высших проявлений нервной деятельности. Дело в том, что И. Павлов в предисловии к своей книге „20-летний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных“ заявил о том, что „честь первого по времени выступления на новый путь (т. е. путь объективного исследования высшей нервной деятельности животных) должна быть предоставлена Edvard'у Thorndike, который на 2—3 года предупредил наши (т. е. Павлова) опыты и книга которого должна быть признана классической как по смелому взгляду на всю предстоящую грандиозную задачу, так и по точности полученных результатов“. Затем И. П. Павлов несколькими строками ниже замечает: „В Европе к нашим работам спустя несколько лет после их начала примкнули Бехтерев с его учениками у нас и Калишер в Германии“. „Бехтерев новые рефлексы, надстраивающиеся над врожденными вместо нашего прилагательного „условные“ обозначил словом „сочетательные“, а Калишер весь метод назвал „методом дрессировки“. При этом он сопроводил эти слова подстрочным примечанием к первой фразе: „Претензия того и другого на какой то приоритет в этом роде

исследования для всех сколько нибудь знакомых с предметом, конечно, совершенно эфемерна“.

По поводу этих слов я уже в вып. 1 „Объективной психологии“ 1925 высказал насколько они не соответствуют действительности по отношению ко мне. Не придавая особого значения вопросам приоритета в науке, все же по поводу излишней претенциозности И. Павлова в этом отношении нахожу себя вынужденным заявить в виду вышеуказанного замечания, что с моей стороны никаких претензий на приоритет по отношению к роду исследований И. Павлова нигде не заявлялось (я понимаю здесь его исследования по искусственно вызываемым условным рефлексам у животных на слюноотделение). Но его претензия на приоритет в отношении объективного исследования высших нервных процессов вообще и человека в частности не может быть оправдана не только при сопоставлении его заявления с данными американской литературы (Thorndicke и др.), но и русской. Необходимость объективного изучения человеческой личности мною заявлялась еще на V Пироговском Съезде, имевшем место в Ленинграде в конце 1893 г. (см. в трудах этого съезда прения по докладу о травматических неврозах и психозах, ранее изучавшихся исключительно по субъективному методу) с определенным указанием мною объективных признаков этих состояний. (См. также мою работу об объективных признаках общих нервов. *Обозр. Психиатр.* 1896, 1900 и 1909).

Затем в 1896 г. мною была уже определенно высказана гипотеза контакта нейронов и гипотеза разрядов (*Обозр. психиатр.* № 1 1896 и *Neur. Centr.* за тот же год), послужившая анатоμοфизиологическим обоснованием энергетической точки зрения, проводимой мною в рефлексологии.

Вслед затем мною были опубликованы работы с выяснением особых рефлекторных явлений, как объективных признаков травматических неврозов, истери-

ческих явлениях и внушении в гипнозе (см. мои работы: „Об об'ективных признаках общих неврозов и истерики Обозр. психиатр.“ 1897, „Об об'ективных симптомах местной гиперестезии“ *Neur. Centr.* № 5 1900 и Обозр. психиатрии, „Об об'ективных признаках при травматических неврозах“ *Neur. Centr.* и Обозр. психиатр. 1900, „Об об'ективных признаках внушенных в гипнозе расстройств чувствительности“, „Обозр. психиатр.“ 1902 г. и др. позднейшие). Что касается метода дрессировки, то у собак он мною был использован еще в половине 80-х годов для выяснения локализации двигательного сочетательного рефлекса, как заученного движения, в двигательной области мозговой коры (см. мою работу „Физиология двигательной области мозговой коры“ *Арх. психиатр.* 1886—87). Далее начиная, со второй половины 90-х годов, в моей лаборатории был осуществлен ряд исследований над локализацией в коре естественных сочетательных рефлексов, начатых диссерт. работой проф. М. И. Жуковского („О дыхательных центрах мозговой коры“), вышедшей в 1898 г. и доказавшей, что удаление в мозговой коре собак особых дыхательных центров устраняет естественные сочетательные рефлексы на дыхание. О других работах аналогичного характера проф. Никитина, Пуссера и др. см. в „Общих основах рефлексологии человека“ 1923 г. стр. 168.

В заключение замечу, что еще до того времени, когда д-р. Болдыревым был получен на собаке искусственный условный гесп. сочетательный рефлекс (см. „Труды общ-ва рус. врача“ 1904—1905), мной уже был создан и опубликован общий план об'ективного исследования личности человека в работе „Об'ективная психология и ее предмет“ (*Вестник психологии и отд.* изд. 1904), переведенной позднее и на франц. яз. (*Revue Scientifique* 1906). Работа эта и послужила первоосновой создания того научного направления в изучении человека *), которое названо было мною перво-

---

*) Первый выпуск большого моего сочинения „Об'ективная психология“ появился в печати уже в 1907 г.

начально об'ективной психологией впоследствии рефлексологией человека"). О других работах, относящихся к тому же предмету здесь не упоминается; список их можно найти в моей книге „Общие основы рефлексологии“. Госизд. 1923.

Для строго об'ективного или рефлексологического изучения человеческой личности мне пришлось в сотрудничестве с своими учениками разработать и новый для того времени и вовсе неприменявшийся в то время в лаборатории И. Павлова метод исследования двигательных сочетательных рефлексов с электрическим основным раздражителем, разработка которого представлялась необходимой потому, что применявшийся в лаборатории И. Павлова метод исследования слюнных условных рефлексов, требующий операции выведения слюнных протоков наружу, не мог быть применяем на человеке.

В заключение скажу, что область исследования И. Павлова „Об'ективное изучение высшей нервной деятельности животных“, есть строго физиологическая область, моя же область есть область рефлексологии или „об'ективно-биологического исследования личности человека, как био-социального существа“ **). Мы разграничены, таким образом, с И. Павловым различными об'ектами исследования, ибо не одно и то же об'ективно исследовать высшие нервные отправления животных (для более низших из них такие исследования велись даже и много ранее Edward'a L. Thorndik'a) и об'ективно исследовать личность человека, где субъективный метод всегда признавался и до сих пор большинством авторов

---

*) Выше мы уже говорили, что наименование рефлексологии не приемлют авторы, выходящих из Павловской лаборатории исследований, которые самим И. Павловым, как и представителями этой школы, обозначаются „исследованиями высшей нервной деятельности животных“.

***) См. мой доклад в научных собраниях врачей клиники душ. и нервн. бол. 1907 г., см. также дисс. д-р. Протопопова и Молоткова (из моей лаборатории) и др.

признается неизбежным, а субъективное толкование явлений—неотъемлемым правом исследователя. К тому же человек, как био-социальное существо, в своих высших проявлениях должен быть изучаем не физиологически только, но и био-социологически, что и входит в прямую задачу рефлексологии человека.

Что между тем и другим изучением имеется не несущественная разница наглядно показывает пример. Изучая отправления мозга вообще и той или другой его области в частности, физиология, занимаясь животным, не имеет надобности выяснять напр. влияние социального фактора на поведение, тогда как для рефлексологии это является одной из главных задач, подлежащих ее разрешению. Также и биология, занятая животным миром, не могла до сих пор учитывать в должной мере социального фактора, приобретающего в жизни человека исключительно важное значение. В силу этого рефлексолог мог бы изучать хотя бы и не в достаточной полноте соотношения между внешними и внутренними раздражителями прошлыми и настоящими с одной стороны и внешними проявлениями личности с другой, даже в том случае, когда оставалась бы неизвестной та область мозга, которая заведует этими внешними проявлениями, как в свое время изучались напр. афазия и сопутствующие ей параличи движения без знания функции определенных частей мозговой коры в отношении речи и движения.

Тем не менее между рефлексологией и физиологией имеется столь тесное взаимоотношение, что казалось бы не было места и возражениям, направленным на рефлексологию со стороны физиологов. Если же они делались, то почва для них оказалась ничуть не физиологическая, а рефлексологический подход к социальному миру, в котором живет и действует человек и из которого возникают раздражители, побуждающие его к деятельности. В этом смысле моя „Коллективная рефлексология“ подверглась критике (в „Экономисте“) со сто-

роны физиолога проф. Зеленого, который сам, более чем неудачно, выступал в области физиологического подхода к объяснению социальных явлений *). Не входя в подробности его полемических выпадов, относящихся между прочим к некоторым из признаваемых мною общемировых законов, я хотел бы очертить лишь двумя штрихами приемы его критики с одной стороны и его знакомство с трактуемым предметом с другой. Для характеристики первого достаточно указать, что, касаясь закона тяготения, он не считал нужным указать, что я говорю: 1) о взаимном притяжении небесных и вообще физических тел (закон Ньютона), 2) о биологическом тяготении (явления таксиса и др.) и 3) о социально-экономическом тяготении масс к центрам, обобщая их в один общий принцип или закон тяготения, конечно ничуть не подводя вторую и третью форму тяготения под Ньютонский закон притяжения небесных тел. Это, между прочим, совершенно ясно мною выражено словами: „тяготение в биологическом смысле следует понимать шире чисто механического тяготения **), ибо всякое неизбежное сотрудничество и симбиоз являются особыми видами биологического тяготения“ (Коллективная Рефлексология, стр. 241). Там же я определяю и социальное тяготение не в смысле, конечно, „механического“ или Ньютонского тяготения: „так или иначе, говорю я, но животный мир немислимо представить себе без сотрудничества и взаимопомощи, а это и обуславливает собою явления взаимного тяготения индивидов друг к другу“. Поэтому, когда Зеленый говорит о возврате в этом вопросе к прошлым векам, то это является его своеобразным полемическим выпадом, ничуть не более.

Для характеристики же знакомства его с литературой предмета достаточно сказать, что в своих

---

*) Ellwood. Objectivisme in Sociology. The Amer Journal of Sociology, t. XXII.

**) Г-е. тяготения физических тел, установленного Ньютоном

рассуждениях по поводу закона относительности Зеленой обнаружил свое собственное незнание, ибо ему очевидно осталось неизвестным, что психо-физический закон Weber-Fechner'a уже Wundt'ом был разъяснен и рассматривался, как закон относительности. Нет надобности говорить, что явления относительности принимались во внимание и в других областях знания. Поэтому гениальное исследование Эйнштейна в сущности не обозначало открытие какого-либо неизвестного доселе закона в природе, а лишь сделало этот известный в других проявлениях природы закон на основании тех полученных им данных в области астрономии всеобщим мировым принципом. Отсюда ясно, что основы Зеленого основаны не фантастично уже, а на данных донаучного периода изучения личности, закончившегося установлением закона Липпмана в 30-х годах прошлого столетия.

Этих примеров достаточно, чтобы более не останавливаться на полемических по своей форме выступлениях Зеленого. Можно догадываться, что в его заявлениях содержится еще и другая подоплека. И не содержится ли она в том, что без достаточной осмотрительности я процитировал в своей „Коллективной рефлексологии“ (стр. 48) ядовитую реплику социолога Ellwood'a на выступление Зеленого в области социологии, — реплику, в которой этот автор признал метод Зеленого годным, быть может, „для крысы или общества крыс“, а не для общества культурных людей?

Психологический подход к изучению личности, какими бы объективными методами он не прикрывался, несомненно испытывает в настоящее время жестокий кризис, как признают это и сами психологи. Для подтверждения сказанного цитирую слова психолога проф. М. Басова (Просвещение № 2 стр. 48, 1924 г.): „настоящее состояние психологии есть состояние кризиса. Этот кризис возник от того, что психология отстала в своем развитии и не отвечает новым

требованиям к ней пред'являемым. Ближайшее будущее должно ознаменоваться интенсивнейшим творчеством в этой области знания, которое изменит коренным образом лицо ее“.

Вот то признание, которое вырвалось у одного из участников Всероссийского с'езда по педологии, экспериментальной педагогике и психо-неврологии, собранного по инициативе Государственной Психо-Неврологической Академии с 3 по 10 января 1924 г. в Ленинграде. И это признание психолога, усердно и безоговорочно ломавшего копья на упомянутом с'езде за „отсталую“ и „неотвечающую“ требованиям настоящего времени психологию, представляется особенно знаменательным. Оно, без сомнения, явилось результатом борьбы на с'езде двух течений в изучении личности—старого суб'ективного, часто прикрывавшегося об'ективными приемами, направленными однако на выявление суб'ективной стороны личности и в ней видящего основную задачу своего изучения, и другого строго об'ективного или рефлексологического, полагающего основу изучения личности в об'ективных ее реакциях или рефлексах в связи с текущими и прошлыми внутренними (соматическими) и внешними раздражителями физико-биологического и в особенности социального характера, а равно и в связи с наследственно органическими факторами биологического или, вернее, социо-биологического порядка.

Вышеуказанное признание, конечно, говорит само за себя, но автор неправильно освещает предмет, заявляя, что рефлексологическое течение на с'езде было нападающей стороной, а старое психологическое обороняющейся стороной. Как раз наоборот. Рефлексология на с'езде в большинстве была представлена рядом докладов, сделанных молодыми, иногда даже начинающими учеными. Ведь и самая рефлексология человека наука еще молодая, хотя и быстродвигающаяся вперед. И конечно никто из молодых и начинающих ученых и не думал нападать на старых умудренных опытом

ревнителю старой „суб‘ективной“ психологии, а просто молодые рефлексологи выявляли в своем докладе то, что каждый сделал, подходя к изучению личности с об‘ективным или рефлексологическим методом исследования.

Но само собою разумеется, что умудренные долгим опытом деятели по психологии во всеоружии своего суб‘ективизма нападали на каждого, кто осмеливался работать не по шаблонным методам старой психологической школы, не порвавшей еще окончательно с метафизикой. И посмотрите, однако, какой получился результат этих скромных, частью еще незаконченных, рефлексологических докладов *). Тот же М. Басов, говоря о кризисе современной психологии, о котором надо заметить до упомянутого с‘езда ни М. Басов, ни другие психологи что то и не заикались, как мы видели в вышеприведенной цитате, стал говорить о коренном преобразовании лица психологии путем интенсивнейшего творчества в этой области, и в каком же направлении? а вот в каком: „полная ликвидация былой связи с метафизикой, окончательное осознание себя в качестве одной из естественнонаучных дисциплин, культура об‘ективных

---

*) Из числа последних я, между прочим, исключаю доклад Е. З. Строгой, которая, хотя и заявила при его чтении на С‘езде, что работала по моему предложению, но не удосужилась упомянуть, что работа ее не рефлексологического, а исключительно генетического характера, вследствие чего она и проведена по употребительному в этой науке анкетному методу и, что главное, она была доложена на с‘езде без предварительного ознакомления меня с результатами во время ведения самой работы, а так же и пред с‘ездом с ее содержанием, о чем мною и было заявлено на том же с‘езде во время прений, хотя и по другому докладу (Тимофеевского), ибо на самом докладе Е. З. Строгой я присутствовать не мог. Но какова придирчивость гг. психологов-суб‘ективистов, которые, не ориентируясь в предмете ее доклада, сочли его за продукт рефлексологии, каковым он никогда вообще не был и не мог быть по самому существу своего задания, да и сам автор по своим работам никакого отношения к рефлексологии никогда не имел и не имеет, а считался сотрудником, работающим по генетике